

Н

е раз мне доводилось писать о Владимире Крупине, и делал я это с удовольствием: писать о прижизненном классике — честь. Да и поводы были приятные: как, к примеру, отмолчаться, когда Владимир Николаевич стал первым лауреатом Патриаршей литературной премии? Но на этот раз приступил к эссе с опаской: велико искушение, памятуя о 80-летию писателя, впасть в высокий слог, который не приемлет Крупин с его традиционной самоиронией. В литературных кругах давненько ходит байка о том, как однажды в вагоне метро он увидел молодую красавицу, которая увлеченно читала его книгу «Живая вода». Воодушевленный столь наглядной любовью молодого поколения к своему творчеству, Владимир Николаевич подсел к девушке и сказал: «Девушка, а между прочим, книгу, которую вы так увлеченно читаете, написал я!» Девушка, не отрываясь от книги, лишь слегка подняла глаза на приставучего пассажира со словами: «Иди, дядя, проспись!» Показательно, что эту историю Крупин и сам нередко рассказывает — со смехом, не обижаясь на строгую читательницу.

Целая эпоха прошла со времени моего личного «открытия» Крупина — то был его рассказ «Полонез Огинского» в журнале «Сельская молодежь». А вот познакомиться лично с автором знаменитой «Живой воды» и других замечательных

произведенный довелось мне много позже, в Москве, в правлении Союза писателей России. Затем были встречи на Всемирном русском народном собрании в храме Христа Спасителя. Неоднократно я был у Владимира Николаевича и Надежды Леонидовны в гостях на третьем этаже дома в Камергерском переулке. Квартира в доме находится рядом с театральной площадью. Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна Распутины всегда после окончания премьеры заходили к Крупиным, делились впечатлениями о каком-либо спектакле, пили чай или кофе. Потом мы виделись на замечательном всероссийском литературном празднике «Сияние России» в Иркутске, что многие годы проходит осененный именем Валентина Распутина. Результат моих личных встреч с писателем почетно красуется в шкафу — собрание книг Крупина с его автографами!

Мало кто знает, что вовсе не строгий и высоколобо хмурый писатель, но именно веселый и с виду простой балагур Крупин был в свое время первым, кто поднял вопрос о том, что наше телевидение стремительно скатывается к низкопробности и пошлости. словно предвидел на десятилетия нынешнее скопление безвкусицы, которое являет собой сегодня российский голубой экран. Еще в советское время чутким на всякую низость чутьем художника-словотворца Владимир Николаевич уловил общественную опасность такого ТВ. За критику советской действительности был подвергнут, что называется, партийным «репрессиям», но не унывал: чай, не впервой русским писателям страдать за правду!

Не хочется сбиваться в повествовании на прошедшее время — говорил, писал, критиковал... В случае с Крупиным прошедшее время не годится: столько жизни, радостного отношения к окружающему миру (при глубоком понимании его несовершенства) в этом человеке, что взгляды в прошлое никак не подходит автору, который, по сути, не только писатель настоящий, но и *писатель будущего*.

Отвлекаясь от многочисленных литературных наград и регалий, замечу: самая главная награда — любовь читателей и глубокое уважение коллег — всегда при Крупине. Его имя не нуждается в уточнении, так как понятно, о ком идет речь: Крупин у нас один. Как одним-единственным был Распутин, который в далеком 1985 году в своем предисловии к книге Владимира Николаевича «Дорога домой» определил прозу Крупина как «нечто особое в нашей литературе, нечто выдающееся и на удивление простое». Писатели, наделенные таким глубинным даром слова русского, являют в XX и XXI веке непреходящую крепость русской литературы.

Не устает восхищать талант Владимира Крупина видеть в малом большое, в личном, сокровенном — общенародное, умение видеть в повседневном-обыденном вечное-непреходящее... Все это и сделало его одним из самых любимых писателей нескольких читательских поколений. А укрепляющийся с годами совершенно особый талант не впадать в уныние при виде несовершенного земного мироустройства, несомненно, объясняется православностью Крупина — и как художника, и как человека. Может, именно сегодня, когда Россия переживает страшное время, ей пуще безжалостной правды нужны надежда, вера и любовь, чтобы в наше смутное время не впасть в отчаяние и уныние как в самый страшный грех. Если почувствуете, что близки ко греху уныния, перечитайте произведения Крупина, вдохните полной грудью его живое слово и боритесь за жизнь, за детей, за себя, за Россию дальше!

А вот где сам Крупин берет силы, чтобы не унывать? Вот уже многие годы Владимир Николаевич совершает вместе со своими земляками Великоорецкой крестный ход в честь обретения в вятском селе Великоорецкое чудотворной иконы святителя Николая в 1383 году. Видимо, сам процесс христианского единения с земляками и людьми, приезжающими на этот крестный ход со всей России, помогает ему духовно.

Крупин не станет поучать вас жизни в своих произведениях. Ему это не надо, потому что он интересный лирический рассказчик, который менее всего прячется за вымышленного персонажа. Он не дистанцируется от своего лирического героя, что-

бы читатель понимал автобиографичность многих произведений. Это дает ощущение максимальной подлинности, что не противоречит художественности, а питает ее. И еще творчество Владимира Николаевича последнего времени уникально тем, что публицистика и художественная проза у него органичны в своем слиянии. Отталкиваясь от реального факта, он ненавязчиво выводит читателя на широкие художественные и нравственно-эстетические обобщения, воспитывает умение мыслить шире и видеть дальше сиюминутного. На это способен редкий автор, который абсолютно доверяет читателю, ведет с ним диалог, оставляя ему право на собственное мнение. В произведениях Крупина уютно, светло, хорошо, хочется войти в эти страницы и остаться там!

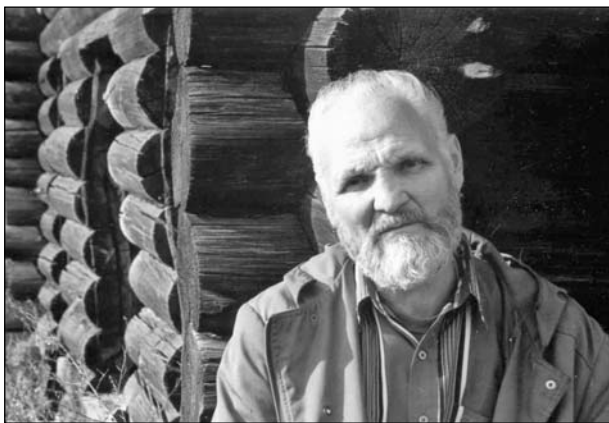
Живительный поэтический слог крупинской прозы узнаваем с первых абзацев, с первых предложений. Его «крупинки», наблюдения за повседневностью с точки зрения православного русского человека — золотые россыпи-миниатюры, подобные солоухинским «камешкам на ладони», астафьевским «затесям». Уметь в малом жанре сказать о большом — великое и нечастое умение! Православная проза Крупина классична и духовна в самом высоком смысле. И тем не менее, как у всякого выдающегося писателя, у Владимира Николаевича есть произведение, которое критики назвали бы титульным. Как «Война и мир» у Толстого, «Преступление и наказание» у Достоевского, «Царь-рыба» у Астафьева, «Прощание с Матерой» у Распутина...

Первая публикация повести «Живая вода» состоялась в журнале «Новый мир» в 1980 году. Нестареющая с годами повесть в жанре притчи, фантазмагории, где главный герой — дед Сашка, как односельчане называют сторожа лесобазы Александра Ивановича Кирпикова, — рассказывает сказку внучке Маше. Сказка ложь, да в ней намек: вятские мужики, что говорится, делегируют своего представителя на небо — рассказать Богу, как поживают, ну и заодно попросить живой воды. Получив, всю выпивают, посылают снова того же мужика за добавкой, да не на небо, а в село. Показательно, что как только по весне наступает пора вспахивать огороды, дед Сашка сразу обретает полное свое имя, каковое прямо сродни титулу, становясь в одночасье ни много ни мало — Александром Ивановичем. А все потому, что он единственный имеет в родном селе тяглового мерина, состоящего на учете в лесобазе. Расплата за тягловую силу идет известной российской жидкой живительной «валютой». В итоге каждая весенняя страда становится для деда Сашки очередной попойкой, пока однажды дед не решает переосмыслить свою жизнь и перво-наперво отказаться от спиртного как фактора, мешающего этому переосмыслению. Что такое жизнь деда Сашки? Обычная жизнь русского советского человека. Внешние обстоятельства ее даже почетны. Дед Сашка — фронтовик, во Вторую мировую войну дошел до Померании и, несмотря на ранения, не помер на чужбине, остался жив. Вернулся домой, воспитал и вывел в люди пятерых детей. Так что же тревожит и гложет деда Сашку? Вот она, вечная загадка русской души, вечный поиск смысла жизни...

А между тем в поселке начинают происходить события просто фантастические. Сосед вдруг находит на своем участке источник целебной воды, которая исцеляет от всех недугов, включая даже тягу к спиртному. А еще эта водица дарит вторую молодость всякому, кто ее отведает. Другой сосед, бывший горожанин, сбжавший от благ цивилизации, в том числе и от жены, и ставший на деревне первым парнем и завидным женихом, от живой воды в одночасье помолодел, однако исчез источник — и человека, лишенного корней в земле, где бил родник, не стало...

О повести «Живая вода» написано много, не знаком с ней редкий читатель, потому пересказывать содержание — занятие ненужное. Но вот задаться вопросом, что такое живая вода, нелишне. И делать это надо время от времени каждому человеку и каждому поколению читателей, потому что есть истины, которые нельзя получить в готовом виде, каждое поколение и каждый человек призваны открыть их для себя самостоятельно. Вроде бы ответ очевиден — живая вода есть образ неиссякаемой

Владимир
Крупин

чистоты и красоты, ведь в финале автор приводит нас к лесному роднику, отражающему небо. Но эту очевидность надо открыть не умственно, а душой.

«Живая вода» — художественное и образное исследование непостижимой русской души, о которой много говорят, но очень мало произведений, не просто коснувшихся этой темы, но этой темой пронизанных и пропитанных... Уроженец древней Вятки, про которую пословица гласит, что Вятка — всем русским городам matka, Владимир Николаевич не ограничивается вниманием лишь к неповторимому вятскому-хвватскому характеру, хотя и явно считает его одним из главных в русском видении мира. Через особенности вятского характера он выводит нас на такие художественные обобщения, что его произведения с одинаковым интересом читают и вятчане, и волжане, и сибиряки, и жители южных регионов России...

Не могу не сказать немного о женщине, которая обычно находится в тени всякого выдающегося человека. О жене. «Благословил его создатель, послав ему в супруге клад...» Никто не станет оспаривать, что мировая слава Достоевского или Толстого в немалой степени обусловлена самоотверженностью их жен, удивительным умом и проницательностью этих женщин, понимавших, какая миссия им выпала — стать спутницей жизни, вдохновительницей-музой и верным помощником выдающегося писателя. С Надеждой Леонидовной Владимир Николаевич живут уже 55 лет! Дочь фронтовика Леонида Кузьмича, штурмана тяжелого бомбардировщика, и фронтовички Прасковьи Александровны, что работала в штабе соединения, Надежда Леонидовна сразу после школы подала документы в педагогический институт. Отлично сдала все вступительные экзамены, и лишь один экзамен, сданный на «четыре», не позволил ей набрать проходной бал в институт, где был огромный конкурс — столь велика была престижность профессии учителя. Пришлось Надежде идти на вечерний факультет, и лишь на следующий год она перевелась на дневное отделение. Учитель по призванию, проработала она в школе двадцать лет. На протяжении трех десятилетий практически в одиночку издавала всероссийский журнал «Литература в школе» и прилагала к нему «Уроки литературы». До встречи со своей Надеждой Володи Крупин, по его собственному признанию, был очень влюбчив — что не удивительно, ведь начинал он как поэт. Хочу привести строки его стихотворения «Подснежник», которое Надежда Леонидовна не только выучила, но и напечатала в рукописном журнале факультета «Молодо-зелено»:

Апрель для зимы горек:
вода пропалину вымыла.
Поляна ладошку-пригорок
из варежки снежной вынула.

Листок одеяльцем стелет,
но разве сладишь с ребенком:
проснулся, на нитке стебля
мотает своей головенкой.
Расправила хрупкие плечи
его двухнедельная участь.
Я старше его и крепче,
но мне бы его живучесть.

Впрочем, влюбчивость не мешала Володе Крупину совмещать учебу в Московском пединституте с работой, из-за чего он порой на лекциях засыпал от усталости. Влюбчивость не мешала ему учиться на удивление легко и радостно. Увлекающийся влюбчивый Крупин с одной сокурсницей ходил на концерты в зал Чайковского. С другой посещал Третьяковку. С третьей подружкой бывал в Пушкинском музее... Отдадим должное разносторонности интересов будущего прозаика. Когда позже Крупин напишет о своей романтической юности повесть «Прости, прощай...» и отдаст рукопись для прочтения великому Василию Белову, тот сурово посоветует молодому талантливому коллеге: «Девчонок убавь!»

Надежда Леонидовна, полагая при знакомстве, что станет мечтой поэта, на поверку стала мечтой прозаика. А познакомились они очень романтично — на картошке, когда советских студентов по традиции послали на помощь сельчанам убирать урожай. На реке Оке, сидя у костра, Крупин впервые увидел свою Надежду. Вот тут и выяснилось, что увлекающийся Крупин — по жизни однолюб. До того однолюб, что сразу позабыл ради Нади, жившей на далекой окраине Москвы, про потенциальных невест с квартирами в центре столицы. Каждый день ездил на далекую Лосиноостровскую станцию, откуда было еще шагать и шагать на свидание с любимой. Случалось, даже в билетном зале ночевал.

Надежда оказалась сродни жене-декабристке. Когда поженились, годами терпела огорчения, бедность, идейные и духовные искания мужа. В голодные 1990-е годы он наотрез отказывался от литературных премий, в то время как другие коллеги, куда менее талантливые, не чаяли протиснуться в премиальные списки.

У Владимира Николаевича и Надежды Леонидовны есть дочь Екатерина, выпускница МГУ. Она давно живет в Америке, замужем за православным человеком. Создает очень посещаемые просветительские сайты. Сын Владимир по двум высшим образованиям социолог и психоаналитик. Подрастают внучка Анна и внук, по семейной традиции также носящий имя Владимир.

Живая вода православных устоев пусть хранит эту семью и впредь. Именно здесь та почва, на которой родится проникновенное крупинское слово.

